

Юйвэнь Шэнь одарил Су Фу неопределённой, скользящей усмешкой. Но за этой внешней благожелательностью скрывался стремительный обвал: шкала его симпатии к юноше с гулким грохотом покатила вниз. В отличие от Гу Ланчэня, Шэнь совершенно не ценил чужую наглость. Его до зубовного скрежета бесила сама мысль о том, что его чувства могут истолковать превратно. Он любил лишь одного человека — преданно, бескомпромиссно и раз и навсегда.

Стоявший поодаль Ланчэнь переводил взгляд с одного лица на другое. На его губах застыло странное выражение — в этот миг он искренне, всем сердцем посочувствовал сопернику. Чтобы искренне полюбить это недоразумение по имени Су Фу, требовался не просто вагон мужества, а поистине титаническое упрямство. В глазах Ланчэня калека сейчас выглядел безумцем, отважно бросившим вызов непреодолимой силе рока.

И всё же где-то в глубине души царапнуло неприятное, щемящее чувство. Будто на его собственную голову медленно, но уверенно опускалась шляпа... крайне приметного зелёного оттенка.

— Ладно, пойду поздороваюсь со своим ассистентом, — выдавил Ланчэнь, отчаянно желая убраться отсюда подальше.

Бросив дежурную фразу, он позорно ретировался, даже не удостоив оставшегося позади Су Фу прощальным взглядом.

Шэнь победно вскинул брови и с явной насмешкой протянул:

— Похоже, твоему ненаглядному на тебя плевать.

— Ой, да брось. Это всё из-за тебя — он просто приревновал, — вздохнул Су Фу, с наигранной досадой провожая глазами удаляющуюся фигуру.

«Похоже, сегодня я вытащил себя из дома зря. Обидно-то как...»

— Что же ты тогда не бежишь следом? — ехидно поинтересовался калека. Он прекрасно видел, куда держит путь Ланчэнь. Туда, где ждал Сянсе.

В глазах Ланчэня этот несносный мальчишка оставался лишь забавной игрушкой, средством скоротать скуку. С Сянсе его и сравнивать не стоило. Они просто ещё ни разу не сталкивались лицом к лицу перед общим «поклонником». Случись такое — и выбор Ланчэня стал бы очевиден в ту же секунду.

— Да ну его, — безразлично отмахнулся юноша, легко вычеркивая беглеца из планов на вечер.

Шэнь пристально вгляделся в его лицо, пытаясь уловить хоть тень досады, но парень

действительно ни капли не расстроился.

Внезапно мысли Су Фу приняли иной оборот, и его лицо озарила улыбка — столь внезапная и ослепительная, будто посреди зимы в один миг распустились тысячи нежных цветов. Он трогательно сложил ладони у подбородка и, заглядывая собеседнику в глаза сияющим взглядом, заговорщически пропел:

— Раз уж он сбежал... может, повеселимся вдвоём?

Шэнь опешил. Но уже мгновение спустя его губы разошлись в хищной, издевательской усмешке, обнажая всю неприглядную, ядовитую суть его натуры:

— Ланчэнь за порог — и ты сразу переключаешься на меня? Какая неразборчивость.

— А почему нет? — невинно поинтересовался Су Фу.

«В конце концов, ты — цель номер два. Раз уж первый номер сегодня не в духе и улепetyвает быстрее зайца, ты автоматически становишься моей главной мишенью».

Собеседник не выдержал и покатился со смеху, бесцеремонно указав на него пальцем:

— Ха-ха-ха-ха!

Су Фу лишь захлопал ресницами с самым ангельским видом. В его кристально чистом взгляде не читалось ни капли раскаяния — он искренне не понимал, что делает не так.

«Потрясающе... Настоящая, первостатейная стерва от природы»

Между тем Су Фу уже деловито листал что-то в смартфоне. Спустя секунду, вбив запрос «о чём говорит внезапный приступ безудержного смеха», он авторитетно выдал:

— Интернет пишет, что у тебя эпилепсия. Проще говоря — падучая.

— Серьёзно? Дай-ка гляну, — припадая на трость, мужчина шагнул ближе и заглянул в экран через плечо юноши.

Губы его искривились в зловещей улыбке. Склонившись к самому уху Су Фу, он вкрадчиво прошептал:

— И чистая правда. У меня и впрямь эпилепсия.

Парень, рассчитывавший уколоть побольше, опешил от такой лёгкой капитуляции. На миг его рот удивлённо приоткрылся. Шэнь упивался его замешательством, не сводя с него весёлых глаз. Впрочем, изумление тут же сменилось глубокой, всепрощающей скорбью. Су Фу сочувственно похлопал собеседника по плечу:

— Ничего-ничего. Пишут, что при правильном уходе это вполне купируется. Ты ещё так молод, не опускай руки, борись.

Уголок губ Шэня нервно дёрнулся.

— Какое счастье, что я чертовски неразборчив в своих ухажёрах, — облегчённо вздохнул Су Фу и, умилённо подперев щёки ладонями, тихонько захихикал, абсолютно очарованный собственной добротой.

— То есть я всего лишь песчинка в твоём бескрайнем гареме? — хмыкнул калека. Странное дело: безумный нарциссизм и вопиющая бестактность этого недоразумения почему-то не вызывали у него глухого раздражения. Было в этой непосредственности что-то обезоруживающее.

— А ты спишь и видишь себя единственным? — Су Фу кокетливо вскинул голову, одарив его лукавым взглядом.

Прическа, которую сегодня так заботливо подобрала Система, идеально подчёркивала его изящество: часть прядей была небрежно заколота на затылке, а несколько свободных локонов мягко очерчивали виски. Когда он поднял лицо, эти волосы слегка качнулись, приоткрывая сияющие смехом глаза и крошечную, манящую родинку-слезинку у самого века.

Шэнь замер, заворожённо глядя на него.

«Какое счастье, что он сумасшедший. Будь этот парень хоть немного нормальнее... кто знает, возможно, Ланчэнь и впрямь засомневался бы, кто лучше — он или Сянсе»

Впрочем, Шэнь судил исключительно по чужим вкусам. Сам он своего выбора не изменил бы никогда.

— Пожалуй, откажусь, — мягко парировал Шэнь. — Тебе место на высоком постаменте в самом центре зала, чтобы каждый прохожий мог поглазеть. Для меня это слишком роскошное блюдо — боюсь, несварение замучит.

— А просмотр платный?

— За отдельную плату, разумеется.

По лицу Су Фу было видно, что он вполне серьёзно прикидывает коммерческий потенциал этой идеи. Шэнь, перехватив трость одной рукой и заведя вторую за спину, с тихой усмешкой наблюдал, как этот чудаковатый завис над совершенно бредовой мыслью.

Пока они обменивались колкостями, в голове Су Фу раздался настойчивый писк.

[Уровень симпатии Юйвэнь Шэня поднялся обратно до 40 пунктов. Ну и странный же тип!]

Су Фу мысленно усмехнулся и, повернувшись к мужчине, протянул самым невинным голоском:

— Но если я тебе нравлюсь, почему ты не хочешь прибрать меня к рукам? Похоже, твои чувства гроша ломаного не стоят.

[Уровень симпатии упал до 35... ]

Система обречённо вздохнула. Если этот безумец продолжит в том же духе, её виртуальный процессор просто сгорит от перегрузки.

Шэнь сжал губы. Его взгляд, устремлённый на Су Фу, вдруг стал рассеянным, словно сквозь этот образ проступал призрак кого-то другого. Ему до боли захотелось возразить, крикнуть, что всё совсем иначе. Но едва он приоткрыл рот, как морок рассеялся: перед ним стоял вовсе не тот, о ком болела душа, а лишь взбалмошный, несносный мальчишка Су.

— С тобой невозможно разговаривать... — устало выдохнул он.

— Зато я чертовски красив! — Су Фу с гордостью прижал ладонь к груди. — Даже если я буду нести полную чушь, тебе всё равно будет приятно на меня смотреть. Остроумие — удел обделённых внешностью, мне оно без надобности.

Шэнь лишь снисходительно усмехнулся, оставив этот выпад без ответа.

Время близилось к разгару вечера, и зал постепенно заполнялся гостями. Раньше их уединённый уголок оставался незамеченным, но теперь мимо них то и дело сновали праздные фигуры. Поскольку стояли они на некотором отдалении друг от друга, прохожие то и дело бесцеремонно врезались в это разделяющее их пространство. Глядя на колышущееся море вечерних платьев и фраков, Шэнь окончательно осознал: затянувшаяся аудиенция окончена, ему пора уходить.

Он поклялся оберегать покой Сянсе от посягательств всяких выскочек, но это вовсе не означало, что он горит желанием свести того с Ланчэнем.

— А этот твой Сянсе... он интересный собеседник? — неожиданно спросил Су Фу.

— Хм, — Шэнь усмехнулся, расценив этот вопрос как банальную попытку прощупать почву под соперником. Однако, немного подумав, честно ответил: — Нет. Его тоже вряд ли назовёшь душой компании.

«Но с ним я готов говорить часами».

— С самого детства я рос хилым, — негромко начал Шэнь.

Взгляд Су Фу инстинктивно опустился к его ногам.

— Да не в этом дело, — поморщился мужчина, подметив чужую траекторию взгляда. — Ногу я подвернул совсем недавно, хотя... ладно, отчасти ты прав. В детстве я постоянно болел. Пока сверстники носились во дворе, я сидел взаперти. В школу почти не ходил — то простуда, то лихорадка. Когда мне исполнилось восемь, у родителей Сянсе случился какой-то завал на работе. Наши матери — кузины, так что его привезли к нам и оставили на время.

Юноша удивлённо моргнул. Он-то надеялся на дежурную колкость, никак не ожидая от этого скрытного человека столь откровенных излияний.

— Он отличался от остальных детей. Сянсе не любил шумных игр. Он был тихим, мягким и удивительно терпеливым мальчиком. Единственным, кто безропотно соглашался целыми днями сидеть рядом с прикованным к постели калекой. Мой первый и единственный друг... — Шэнь смотрел на Су Фу, но в его глазах отражались призраки далёкого детства. — Я до сих пор отчётливо помню, как один наглый родственник отобрал у него любимую игрушку. Сянсе плакал навзрыд целый день. И тогда я поклялся себе: больше никогда и никому не позволю забрать у него то, что ему дорого.

Пазл наконец сложился. Стало предельно ясно, почему этот надменный господин снизошёл до личной встречи с этим выскочкой.

— Ты ведь наверняка слышал, что дела у его семьи сейчас идут скверно? — криво усмехнулся Шэнь. — Ничего. Рано или поздно я лично верну ему всё до последней монеты.

Всё то, что он никогда бы не посмел открыть самому Сянсе, всю свою тёмную, болезненную привязанность он без утайки вывалил на случайного слушателя. Ведь этот взбалмошный парень казался слишком глупым и поверхностным, чтобы копаться в чужой грязной бельевой корзине.

Чем больше он препарировал собственную душу, тем сильнее разгорался лихорадочный блеск в его глазах. Эта одержимость граничила с безумием, превращая его улыбку в пугающий, зловещий оскал. Он держал эти мысли при себе лишь потому, что до смерти боялся напугать Сянсе бездной своего уродливого эгоизма.

Высказав всё это, он внутренне замер в ожидании неизбежного: парень должен был в ужасе броситься прочь.

«Беги же, ну! Я великодушно оставил тебе все пути к отступлению. Спасайся от этого чудовища».

Но Су Фу лишь приподнял подбородок и продолжил бесстрастно, почти с любопытством изучать его лицо. Прошла секунда, другая. Видя, что его яростная тирада не вызвала у собеседника даже тени брезгливости или страха, Шэнь растерянно поджал губы.

Вдруг Су Фу уверенно протянул руку и аккуратно выдернул трость из его пальцев. Мужчина от неожиданности даже не шелохнулся. Су Фу задумчиво повертел полированное дерево в руках, а затем бережно вложил его в правую руку собеседника.

— Кое-что вспомнил, — невинно заметил он. — У тебя ведь пострадала правая нога. А ты опираешься не на ту сторону.

Шэнь застыл на мгновение, а затем тихо, искренне рассмеялся. Су Фу снова соорудил умильную рожицу, очаровательно склонив голову набок.

Перехватив трость поудобнее, Шэнь лихо крутанул её в воздухе, примерился и опёрся уже как надо. При этом он незаметно, будто невзначай, сделал шаг вперёд. Теперь они стояли так близко, что проскользнуть между ними не удалось бы ни одному случайному прохожему. На его губах снова играла лёгкая, расслабленная полуулыбка.

Именно эту картину застал вернувшийся в зал Ланчэнь. Внутри у него мгновенно поднялась глухая, необъяснимая волна раздражения. Слишком уж гармонично они смотрелись вместе. Совсем не так, как ожидал Ланчэнь, оставляя их наедине в надежде на грандиозный скандал.

— Благодарю за внимательность, — негромко проговорил Шэнь, склоняясь чуть ближе к собеседнику. — Надеюсь, эта маленькая оплошность останется между нами. Не люблю лишней болтовни.

Су Фу картинно всплеснул руками, соорудив донельзя обиженную мину:

— Ох, простите великодушно! Не думал, что указать на перепутанную ногу — это «болтливость». Какая глупость с моей стороны! Знай я заранее, слова бы не вымолвил. Стоял бы и молча любовался, как ты позоришься на глазах у всех. А потом ты вернулся бы домой, лёг в постель и посреди ночи вдруг осознал, как глупо выглядел весь вечер. И катался бы от стыда по кровати, мечтая провалиться сквозь землю! Или у тебя фетиш такой — ловить испанский стыд в одиночестве, а я, бессердечный, испортил тебе всё удовольствие? Ну прости-и-и меня!

— Ну прости-и-и, — с усмешкой передразнил его Шэнь, явно забавленный этим

представлением.

— Ой, ну тебя! — кокетливо отмахнулся Су Фу, зардевшись для пущего эффекта.

Шэнь лишь беззлобно покачал головой.

— И о чём же вы так весело беседуете? — бесцеремонно вмешался в их воркующий дуэт третий, подошедший со спины голос.

<http://bllate.org/book/20599/2131960>